

КРИТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

В первой книге «Русского Вестника», вышедшей в первый день Нового года, помещена статья «Письма о литературе». Автор этой статьи, г. Аксаков, между прочим, обращает как бы на некоторый упрек ко мне за то, что я, в качестве журнального критика, больше порицаю, чем восхваляю. «Наиболее видные и известные представители нашей журнальной критики — пишет г. Аксаков — весьма неприятны для лиц такких же представителей, как гг. Буренин и Михайловский, и признают которых много общего и сходного, несмотря на их личное различие: и неприятны литературным талантам, к которым они принадлежат. Оба чуждые критика больше мастера отдавать и разнеть, нежели склонны к приветливости и теплой оценке появляющихся у нас талантов. Г. Буренин провозглашает и чувствует в отношении недостатков разбираемого писателя, но его талантливое перо, кажется, совсем отнялось от похвалы и сочувствия. Постя не вина удавшегося опыта с г. Чеховым, которого сличному воспоминанию зрелия превозмощаю иловный критик «Нового Времени», воздавший больша надежду на его дарование. В. И. Буренин никого больше не хвалит, иного больше не приветствует».

Я должен сосватать, что упрости г. Антосов, из хлыстовой стигмы сиреневадки: а, действительно, больше соотносить из указанного недостатка, чем из восхождения; действительно, давно никого нет новых талантов, но при этом есть в текущей литературе. В некоторые оправдание мое способности из указанного недостатка могу сказать только одно: что-то делать, потому даются разнообразные способности, кому только одна какая-нибудь. Во многих случаях, «тусовка» и «проектирование» в отношении недостатка, разнообразия талантов, а, пожалуй, может считаться способностью далеко превосходящее для критика. Что касается до оправдания из того, что и давно никого не хвалил и никого не приговаривал: то ведь и сейчас всего немножко оправдал: сам г. Антосов; и при этом надо, что мое восхождение и про-

вознесения г. Чехова оказались «не только удивлением оппозитов». Ну вот, после этого водите, воспевайте и превозносите! г. Чехов, бесспорно, считается до сих пор чуть ли не самым талантливым, пусть выветит писателем. Когда я указал на его талант и «превознес» этого таланта, эти самые журналы, которые теперь не читают произведения г. Чехова и кадят ему, выражали о нем совсем неистовое и даже пререкательное мнение, считали его дарование мелким, потому что он писал мелко рассказы. Я, кажется, один в то время высказал, что из маленьких рассказов г. Чехова замечто больше живого дарования и мысли, чем во многих огромных романах разных «высвещающих соросалтатик» беллетристов, как лаво-разных, так и консервативных. С тех пор яшло довольно много чужих слов. Г. Чехов пишет случай выражает *очень талант* уже не в коротеньких рассказах, а в произведениях довольно больших по объему и довольно протвонных критическому. По мнению *кваторных* критиков, эти произведения г. Чехова очень значительны, гораздо значительнее его прежних *мелкотных*. Мои мнение другое. Я не приветствую и не превозносите г. Чехова за эти произведения и не буду приветствовать за произведения до тех пор, пока не встречу у него действительно крупное произведение не только только, а во художественному замыслу и художественному исполнению. Помнится, г. А. Косовов должен был бы меня удержать в этом случае, так как он сам находил, что мой опыт превознесения г. Чехова был не только удачен, т. е., другим словам, г. Чехов не оправдал *дальнейшие* сонни романиста того *мнения* о его таланте, которое было выражено мною во момент его первых рассказов.

Сказку надо читать в свое удовольствие, но совсем справедливо утверждение г. Аксенова, что «каждого больше не можно любить больше не прелестнее». Есть писатель, которого я восхищаюсь и перевожусь при всяком удобном случае. Правда, этого писателя не будет ни в чьих руках, но можно и не переводиться, так как он писатель гениальный, что признаю не только в чужой Европе, но даже и в Америке. Там же, в Европе, у нас довольно типичны критические, которые не очень-то читают с этих гениальных писателей. Эти критики, переводя различные произведения, воспевают эти писатели.

ными проведением, признавая их, будто бы, мощно и будто бы необыкновенно плодотворные «тендеции» и взгляды, относятся свысока к упомянутому гениальному писателю, считают его недостаточно образованным, недостаточно сидящим в каменных современных и прогрессивных науках, которые открыты лишь высочайшим критикам, уклонившимся в буресть и сентименталь, и их посредственными любителями, тоже, как востанчившим свое художество в свои взгляды на бураской галазийной мудрости. Если в ряду таких критиков, парадоксалистов и отрицателей гениального писателя, не отыщете. Значит, я про себя могу не вкаторых править сказать:

He was a very high man.

II

Из слов об этом гениальном писателе, или, точнее, по поводу этого гениального писателя. В нашей журналистике в последние время встречаются разные «размышления» о признании постсоветского осуждения литературы крупными дарованиями. Между прочим и упоминается статья г. Акимово из «Вестника», касавшая этого вопроса. Как на одну из причин убийств дарований были близорукость господина упомянутого на равнодушие и безразличие критики сопоставлены: она-де убивает, за зарплата тысячу — это истосковал и бездушешный критик. Что касается меня, то я думаю, что настоящий убийца должен назвать писателя не только выскочкой и воякой, но и предателем, есть нечто иное. Нет, тот самый гениальный писатель, о котором я сейчас говорю.

Да, много были авторы, считавшиеся «художниками», считавшиеся таковыми теперь и которые считались в будущем, уже убиты и будут еще убиты авторами: «Войны и мира», «Анна Карениной», «Смерти Ивана Ильича» и «Крейцеровой Сины». Колоссальный художественный гений Толстого сыграл с русскими бездельниками такую же шутку, какую некогда такой же колоссальный гений Шекспира сыграл с английской драматургией. Шекспир, убогий, но только вскользь соприкоснувшийся драматургии, но даже впервые на три века, а может и больше, убит всхлип, которые покажутся и еще появятся. Вась английская литература по бадне драматизма и, быть может, даже и колоссальнейшим драматическим авторам. Будем, все они кажутся отнюдь не драматическими.

[illegible]

Я, однако, отступил далеко в сторону, уткнувшись рывком об истинно-убийственную беллетристику. Мне собственно не об этом хотелось повести речь, а вот о чем: чувствуя справедливость упреков, мне за то, что я давно никого не приветствовал, а наигрывать с Новым годом обратился из самого приятливого критика. Чорт побери! Надо же когда-нибудь расквитаться и исправиться. Подобно дерматовенерологу Демову, наскучив отрицанием, я лажу возрождать:

Хочу и сь небыть прикираться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу и взрывать добру...

III.

В качестве первого опыта приветствия из ныншнего году, я выражу приветствие одному из так-называемых литературных врагов: это будет даже трогательно и по-человечески, не правда ли, что-ли? Враг, которому я посылаю мой привет — В. В. Стасов. Официальную силу моего раскаяния и силу приветственного порыва: В. В. Стасова хочу и возмалить на справедливое слово, пишу выказываясь, с В. В. Стасовым я схожусь во многом! Кому неизвестно? Анекдоты о том, как однажды Владимир Васильевич в спор с Н. С. Тургеневым сказал: «Вот видите, Паша, Сергичич, мы согласились со мной»; как Тургенев бросился к окну комнаты, стал отворять это окно, и на вопрос В. В. задал: «Паша, что это делается?», ответил: «Я хочу посмотреть, чтобы вы не измучились, а согласились со мной!» И вот, этого анекдота ясно, до какой степени расхожее согласие в честь-либо с восхитительным художественным критиком. И вот я, не боясь прозвучать снисходительным, согласился с ним! Согласился же и я в нежестодупный пункт. Г. Стасов начал с этого года печатать биографию покойного художника Ге. В коротеньком предисловии к этой биографии Владимир Васильевич берет под свою защиту наследованного автора «Тайной истории» и обороняет его от некоторых «других» приговоров, высказанных г. Ринкиным. Г. Ринкин, как раз через шесть месяцев после почивши Ге, должен был ради полугодовых поминков, возгласить в «Ниве» статью о покойном художнике, в которой, с свойственной г. Ринкину откровенностью, возговорил много превосходных и даже возмущающих мыслей об

искусстве вообще и о русском искусстве в частности. Но выдать с этого, опять-таки по свойственному ему добродушию и простодушию, почтенный художник не воздержался от того времени, который он уже раз блистательно обнаружил при посмертной оценке значения и заслуг своего учителя Крамского: он напечатал довольно ясно, что Ге был неудачником, что если взглянуть на всю его художественную деятельность, то она представляется жалкой; что именно Ге в русском искусстве было незначительно: он был какими-то «гением не у дьяла» и т. д. Простодушие г. Ринкина не оправдалось, впрочем, этим и помогло еще далее: забыв о малом значении в русском искусстве «неудачника» г. Ринкина, пришел отныне этого неудачника и знаменитых «Врукаль». Покойный Ге, называя видеть, истинно «Врукаль» таковы образы: «это удивительно. «Тайная история» перед этим ничто». Конечно, простодушие привело эти слова неудачника, г. Ринкина с свойственной ему скромностью великого человека, сейчас же оговорился: «Тайная история» ничто? Нет, она идеальна картин». Но все-таки же, из результатов оценки г. Ринкина, покойный Ге оказался некоторым образом не истинным великим художником, а тенденциозным, заблужденным «литературою». Истинным, великим художником, любившим огромное и идеальное здание на русском искусстве, по-настоящему считать нечего другое, было востро, а дружно, одного г. Ринкина.

Касаясь теперь же это в статье г. Ринкина, что, по моему мнению, эта статья оказалась такой же протестом, как его статья в «Ниве» против Крамского, из двух вещей, если читатель вразумится, укажет на него читателя. Полагая, покойный Ге не был таким «удачником», как г. Ринкин: он не угадал так много, и в домно продал свои картины; он не угадал так истинно грубых требований буржуазного реализма в искусстве, когда это требование было в ходу; он не угадал истинную литературу, чтобы составить себе карьеру либерального художника, и втайне ругать литературу, когда повадилось перейти от карьеры либерального художника к карьере академического туза. Да, покойный не угадал ничего этого, во все-таки же его нельзя называть «неудачником» в художестве, никак! великая, воля была. Он написал такие дил картины, как «Тайная история» и «Петр и Алексей», которые, право, považаю-

щие и неумрущие по идеям, да и по технике не хуже «Св. Николая» или «Запорожцы»; он написал превосходный портрет Герцена, который, и полагаю, представлял нечто более интересное, чем портрет красносного протоиерея. Наконец, даже в своих последних, отарческих, вещах, он обнаружил такую живую душу, такой подъем, такую убежденность не формального толка, а истинно религиозного чувства, каких, конечно, никогда не обнаружит черствый и лицемерный думак «удачников», угодливо принаможающий на себя выполнение неких «заказов», начиная с биографических премий и кончая... право не знаю уж каких «заказов» окончат эти господа свою художественную карьеру.

Так думая я, пробыв статью г. Ринкина о Ге, и мне somehow приходило при этом на ум, впрочем, что кажется, об этой милой статье В. В. Стасов! Ведь именно против «литературы» его г. Стасова, эта статья вооружается с тайм глубокомыслием, которое обрывает в сабдушущих строк, сажая ее аллом: «нельзя было жалкого и безвзвешного явления, когда ограниченный человек думает показать свою глубину преемственности. И вот г. Стасов отозвался на эту статью г. Ринкина и (во имя, впрочем, в автора), отозвался с истинно стасовской выразительностью, был объявлен ее «горю активностью и неослабностью», «честной и т. д. Принаможа, меня это восхитило, но так же, как никогда восхитил г. Ринкин стасовский ругательство против меня в неослабности ринкинского активизма и неослабности в его неслыхать из-за грехи. Я даже хотел воскликнуть г. Стасову смирением в таком же роде, как воскликнул тогда г. Ринкин: «Слава, слава, Владимир Васильевич! Слава, великая слава тебе богатырь за то, что ты пролил своих критических копий гадюку! Но я удержался однако от такого восклицания: ведь критик не обязан быть таким диким простодушным, как художник из «удачников». По этому я ринкин только при этом, г. Стасов, он его выходил против г. Ринкина, приветствовать искренно, но без тайм ему славы. Надюсь, что это первое критическое приветствие тронет, так же, которые осуждают меня за то, что я давно никого уже не приветствую. Вот видите, господа, выдался случай — я развил думой.

В. Врукаль